ВАША ВОЛЯ, НАША ДОЛЯ.

Полтавскому казаку Бондаренкѣ выпалъ горькій жребій! Что ему въ достаткѣ, что въ богатствѣ, коли нѣтъ ему ни угла, ни притулья, коли ему отъ злой и пьяной жены никуда дѣваться? Не онъ ее такому добру выучилъ, потому–что онъ былъ казакъ работящій, смирный; стало–быть, такова она была ужь когда въ дѣвкахъ сижено — да никто объ этомъ не зналъ, и славы такой о ней не было. Дѣвку кто разгадаетъ? развѣ одинъ только Богъ, а не люди. А когда замужъ вышла, да въ дому стала своя рука владыка, такъ все что есть, и худо и добро, какъ изъ мѣшка и вы;сыпала!

Загоревалъ, затужилъ Бондаренко, да что ни дальше, то хуже. Покуда жили самдругъ — такъ терпѣлось; а какъ еще дѣтки пошли, да отъ живой матери стали сиротами, такъ тутъ бѣдному казаку пришлось хоть о надолбу головой. Люди велятъ учить жену: пытался Бондаренко и

этому, такъ чуть–ли не хуже еще; Евдоха свое поетъ, хоть ее на мѣстѣ убей, какъ змѣя на мужа мечется и все вымещаетъ послѣ на бѣдныхъ дѣтяхъ. Плачетъ мужикъ, да, махнувъ руками, бѣжитъ изъ дому, все покидая на волю Божью.

Разъ, въ позднюю, холодную осень, послѣ Покрова, Бондаренко молотилъ весь день на степномъ току, въ полѣ, и воротился домой съ зерномъ, когда ужь смеркалось. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ — издали слышна музыка, сиплая скрипица, да крики веселья: это Кульбаба праздновалъ свадьбу сына. Шагъ за шагомъ тащились волы Бондаренка по широкой улицѣ, а онъ, лежа на возу съ длиннымъ батогомъ, думалъ: «женятся же люди и страха не знаютъ! И то правда, одинокому хозяйничать нельзя; одинокому — утопиться, а женатому — удавиться! Дай же Богъ Кульбабѣ не плакаться послѣ», самъ снялъ шапку и перекрестился.

Подъѣзжаетъ къ хатѣ своей — все темно. Растворилъ ворота, вошелъ въ избу — а она и не топлена, ужинать не

припасено ничего, и ни дѣтей, ни хозяйки нѣтъ. Закрутилъ головою бѣдный казакъ; весь день проработалъ, съ восхода солнца до самой ночи горячаго не хлебалъ, пріѣхалъ домой, у добрыхъ людей хозяйка припасла ужинать, встрѣчаетъ мужа, помогаетъ ему прибрать что нужно, да собираетъ на столъ — а тутъ, ровно въ собачью закуту зашелъ! Еще спасибо, что добрые люди, сосѣди, сжалившись надъ сиротками, приглядываютъ за ними, да видно и теперь взяли ихъ къ себѣ, а то бы сидѣли, бѣдные, въ нетопленной избѣ, не ѣвши... Пойти, видно, и мнѣ горемычному на эту свадьбу, хоть бы теперь и не до свадьбы мнѣ, а въ ту же пору въ могилу, да ужь я знаю, что тамъ искать надо чортову Евдоху, прости Господи, гдѣ эта поганая водка есть, а больше нигдѣ.

Пошелъ. Тамъ крикъ, шумъ, смѣхъ, пляски; люди въ праздничныхъ платьяхъ, дѣвки въ цвѣтахъ, дружки гуляютъ съ ручниками чрезъ плечо; музыка играетъ, вино разносятъ, гости пьютъ да гуляютъ да веселятся. А Бондаренко входитъ въ хату,

чуть не задыхается: взяло его такое сердце, что вотъ убилъ бы Евдоху до смерти.

«А гдѣ моя?» спросилъ онъ у людей: «на лавкѣ еще, или ужь подъ лавкой?» — «Подъ лавкой» отвѣчали люди, указавъ туда, гдѣ Евдоха, свернувшись въ безпамятствѣ клубкомъ, лежала, какъ собака на землѣ, и спала. Бондаренко свѣту не взвидѣлъ: онъ кинулся на нее, ухватилъ ее за космы, вытащилъ на средину и замахнулся... «Не тронь, не тронь, не бей!» закричали люди вокругъ: «она же сама не своя и побои твои впрокъ не пойдутъ; потратишься попустому!» У Бондаренко опустились руки; онъ опамятовался; слезы прошибли его градомъ. «Будь ты не моя, не людская!» сказалъ онъ, поднявъ обѣ руки кверху: «пропадай ты, какъ пропащая; будь тебѣ недобрая доля и, какъ собакѣ, собачья смерть...»

Люди зароптали на Бондаренко и старались успокоить его и не дать ему продолжать такія проклятія. Онъ отвернулся, спросилъ сосѣдку, которую тутъ же увидѣлъ, гдѣ дѣтки его, и

услышавъ, что они спятъ у нея и что бабушка дома, тяжело вздохнулъ и побрелъ домой.

Добрые люди старались привести Евдоху въ чувство и хотѣли проводить ее домой, увѣряя, что мужъ ее бить не станетъ. Она, растрепавъ космы и поводя шальными глазами во всѣ стороны, немного опамятовалась, встала, но домой идти отказалась. Она побрела къ отцу своему, гдѣ хотѣла переспать ночь, покинувъ мужа и хозяйство на произволъ судьбы. Ее выпроводили изъ хаты, и она кой–какъ по заборамъ поплелась въ третью или четвертую избу.

Отецъ встрѣтилъ ее неласково, далъ порядочнаго тумака, разбранилъ; но, видя, что ей теперь, пьяной, никуда больше дѣваться, промолчалъ, когда она, также молча, полѣзла на печь. Ночь прошла, настало утро; ужь и нерано, а Евдоха все еще спитъ на печи. Сестра пошла будить ее, по приказанію отца, чтобъ выпроводить домой, а Евдоха ужь и остыла. Пьяная, какъ была, отдала она въ ночи Богу душу,

и никто ничего объ этомъ не зналъ и не слыхалъ. Завопила сестра; подбѣжалъ, въ испугѣ, отецъ; въ хатѣ начали голосить; ребятишки отъ страха выбѣжали вонъ на улицу и также принялись ревѣть; услышали сосѣди, подошли, заглянули въ избу, и скоро вся деревня перебывала у отца Евдохи посмотрѣть на покойницу. Какъ сказалъ бѣдный Бондаренко, такъ и сталось.

Поскакалъ сотскій въ судъ съ донесеніемъ о благополучіи, и донесъ о скоропостижно–умершей Евдохѣ. Судъ выѣхалъ, для слѣдствія, съ судовыми панычами, то–есть писарями, жилъ и пировалъ на селѣ трои сутки, разъискивалъ и собиралъ показанія. Взвели подозрѣніе на Бондаренко, что жена умерла отъ побоевъ его; такъ вся свадьба, человѣкъ тридцать, готовы были присягнуть, что онъ не билъ ее, а только вытащилъ за космы и бросилъ. «И тутъ онъ могъ убить ее» сказалъ лекарь; «человѣкъ не скотина — его убить недолго». Знали, что отецъ далъ ей добраго токмача, да объ этомъ никто не говорилъ.

Стали отбирать показанія и въ томъ, не билъ ли Бондаренко жены своей когда–нибудь прежде. Онъ самъ первый повинился: «Какъ же мнѣ было не бить, не учить ея» сказалъ онъ, «когда она дѣлала то и то? Случалось, бивалъ, но не такъ же билъ, чтобъ убить ее; да и то давно было, а тутъ ужь сама она отъ рукъ отбилась, и я ея не трогалъ».

Извѣстно, что такая бѣда обрушается на все село: всѣ виноваты, кого захотятъ притянуть, и всякій боится бѣды этой, какъ огня. Скоропостижно–умершій, да еще мертвое тѣло — это хуже пожаровъ и конокрадовъ. Сладили, однакожь, кой–какъ; старики собрались, потолковали между собой, накланялись до–сыта кому слѣдовало, и вышли отъ нихъ довольные. Бондаренко не пожалѣлъ ничего: и плуга воловъ у него какъ не бывало. Не пожиматься стать; не таково дѣло; унеси да вынеси только Господь!

Вскрыли трупъ Евдохи. Что они тамъ смотрѣли, что видѣли, а чего не видали — Господь ихъ знаетъ; но,

удовольствовавшись тѣмъ, чѣмъ можно было при этомъ бѣдственномъ случаѣ поживиться, написали и подписали протоколъ такой, что умерла–де баба съ перепою, что вся насквозь пропахла виномъ, а наружныхъ знаковъ отъ побоевъ нѣтъ никакихъ.

Разошлись судейскіе господа и судовые панычи по квартирамъ, чтобъ переночевать, а утромъ ѣхать въ городъ. Борщъ съ уткою и вареники и наливки — всего было приготовлено для нихъ въ волю; да вышла какая–то размолвка между стряпчимъ и лекаремъ, а исправникъ придержался стороны стряпчаго. Не ладно ли они подѣлили что–нибудь межъ собою, или совсѣмъ одного обдѣлили — не знаю, но только лекарь одинъ разсердился на всѣхъ, а они надъ нимъ подшучивали. Вотъ они всѣ отправились гурьбой къ богатому казаку, гдѣ въ чистой, просторной хатѣ, все было для нихъ припасено, даже писаря взяли съ собой, а лекаря въ товарищи не приняли, приказавъ ему отвести квартиру на особицу.

Пришелъ лекарь на эту квартиру сердитый; кричитъ: «подавай того, другаго, третьяго!» Мужикъ кланяется въ–поясъ, проситъ прощенья: ему не было сказано напередъ постоя, и онъ ничего не успѣлъ приготовить; что есть про–себя, то есть — милости просимъ; а гостей не ждали — не прогнѣвайтесь. «Какъ» говоритъ лекарь: «такъ вы меня и въ пѣшку не ставите? Такъ я вамъ нипочемъ? Такъ вотъ вы какъ меня боитесь — а? да вы что жь думаете? вы думаете теперь и дѣло кончено? Нѣтъ, погоди, я жь вамъ еще всучу щетинку!»

И расходился лекарь нашъ, такъ–что бѣдный мужикъ не зналъ куда дѣваться: только стоитъ у дверей да кланяется въ–поясъ. «Поди» говоритъ лекарь, «позови мнѣ фершала». Позвали. «Поди» говоритъ онъ фершалу, «спроси у писаря свидѣтельство, да принеси мнѣ его сейчасъ: надо сдѣлать поправку». Фельдшеръ пошелъ и принесъ: судейскіе господа всѣ дружно и весело гуляли, къ нимъ въ это время не было и приступу; писарь подумалъ, да въ свою голову и отдалъ

свидѣтельство. «Коли–де надо лекарю, такъ почему жь не отдать? возьми». Лекарь, не говоря ни слова, изорвалъ его, написалъ другое, подписалъ и отдалъ опять. Писарь положилъ его на мѣсто, заглянувъ въ него и не считая даже нужнымъ поминать объ этомъ; а когда, на другой день, всѣ пріѣхали въ судъ, проспавшись дорогою, то секретарь, увидѣвъ, что протоколъ не всѣми подписанъ, подалъ его къ подписи. Видно, господа нехорошо помнили послѣ вчерашняго вечера, что было наканунѣ; одинъ было–усомнился, сказавъ: «Да никакъ мы ужь подписали его вчера?» но на отвѣтъ писаря, который ничего не зналъ, что протоколъ–де не подписанъ, двое подписали его, не читавъ; третій, у котораго видно память была потверже, прочиталъ новый протоколъ, прикусилъ губу, сметивъ и смекнувъ тотчасъ въ чемъ дѣло; но подумавъ, рѣшилъ, что, вопервыхъ, не стоитъ теперь заводить шумъ изъ–за такой дряни, а вовторыхъ, и поздно: стараго протокола нѣтъ, и мы первые будемъ виноваты. Въ

этомъ видѣ дѣло отправлено, съ арестантомъ, въ Уѣздный судъ, а тамъ и въ Уголовную Палату. Исправникъ, и даже самъ стряпчій, узнавъ впослѣдствіи, что они подписали, удовольствовались тѣмъ, что назвали лекаря, съ улыбкой, плутомъ и мошенникомъ; лекарь же, съ своей стороны, былъ очень–доволенъ своимъ поступкомъ, полагая, что онъ, какъ слѣдуетъ, отмстилъ недругамъ и проучилъ ихъ.